

М.А. Колосов

**Заметки о языке и народной поэзии в области
северно-великорусского наречия**

**Приложение к 30 тому Записок имп. академии
наук №3**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М.А. Колосов**
Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия: Приложение к 30 тому Записок имп. академии наук №3 / М.А. Колосов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 56 с.

ISBN 978-5-4241-6288-6

ISBN 978-5-4241-6288-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пробѣлы въ моихъ личныхъ наблюденіяхъ. Ожиданія этихъ сообщеній оказались однако напрасными. Въ половинѣ февраля я уѣхалъ въ вятскую губ., откуда возвратился въ концѣ марта. Сообщеній не было ¹⁾).

Я увидѣлъ себя вынужденнымъ посѣтить еще разъ нѣкоторыя изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ былъ уже зимою и осенью. Отославъ въ Отдѣленіе отчетъ о вятскомъ краѣ, я, въ половинѣ апрѣля, съ первымъ пароходомъ, отправился снова во влади-

---

¹⁾ Не могу обвинить себя въ томъ, что довѣрился сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніямъ: они шли отъ лицъ министерства народнаго просвѣщенія; лицъ, слѣдовательно, близко стоящихъ къ наукѣ, интересы которой, казалось бы, не должны быть чужды имъ. Главнымъ образомъ рассчитывалъ я на директоровъ народныхъ училищъ и смотрителей уѣздныхъ. Они, ревизуя училища по селамъ и деревнямъ, находятся въ частомъ общеніи съ народомъ, и, безъ особаго труда, при нѣкоторомъ вниманіи, могли бы сдѣлать не мало интересныхъ наблюденій надъ языкомъ его. Кромѣ того, находящіеся въ ихъ распоряженіи сельскіе учителя не преминули бы, конечно, собрать и доставить мнѣ пригодный для дѣла матеріалъ, послѣдуй только съ ихъ стороны хоть косвенное заявленіе желанія имѣть таковой. Странно, что представители учебной администраціи въ 20, 30 и 40-хъ годахъ вовсе не отличались такимъ равнодушіемъ къ дѣлу науки, какъ нынѣшніе. Областной Словарь Академіи Наукъ составленъ, какъ извѣстно, въ значительной степени на основаніи сообщеній директоровъ, учителей и штатныхъ смотрителей. Находились прежде директора училищъ, по собственному даже, какъ кажется, побужденію, заботившіеся о собраніи данныхъ для характеристики народнаго языка. Директоръ ярославской гимназіи передалъ мнѣ не вошедшее въ опись гимназическаго архива «дѣло о собраніи провинціальныхъ словъ». Въ «дѣлѣ» этомъ находится нѣсколько списковъ мѣстныхъ (угличскихъ, рыбинскихъ, ростовскихъ, воложскихъ, любимскихъ) словъ и рапорты смотрителей, препроводившихъ эти списки директору училищъ (Клименку), въ силу его предписанія. Не безъ интересны эти рапорты для лѣтописи русскаго просвѣщенія. Въ одномъ изъ нихъ «отъ угличскаго народнаго училища учителя и кавалера Любимова», между прочимъ, есть слѣдующія строки: «въ разсужденіи предписанія вашего ко мнѣ отъ 24 декабря прошлаго 1819 года № 288, о сдѣланіи вамъ каталога провинціальныхъ словъ... я отношеніемъ просилъ Земскій Судъ, чтобъ благоволилъ дать знать мнѣ о таковыхъ, употребляемыхъ въ подвѣдомственномъ ему уѣздѣ словахъ; на что сей Судъ отношеніемъ... извѣстилъ меня, что онъ касательно тѣхъ словъ въ своемъ уѣздѣ видимости не имѣеть. По сему сколько могъ я самъ собою отъ постороннихъ людей собрать такихъ реченій, сдѣланный мною онымъ каталогъ, при семъ имѣю честь къ вамъ препроводить». Способъ собранія народныхъ словъ при посредствѣ Земскаго Суда, конечно, не можетъ не казаться забавнымъ, но неумѣлость вести дѣло все же лучше полнаго равнодушія къ нему.

мірскую губ. ¹⁾. Сверхъ владимірской, я, въ эту поѣздку, остановился (на короткое, впрочемъ, время) въ костромской губ. ²⁾.

Отмѣтивъ прискорбный фактъ равнодушія къ дѣлу науки тѣхъ, кому ея интересы должны бы быть дороги, я тѣмъ съ болѣею признательностью долженъ упомянуть о лицахъ, оказавшихъ мнѣ свое содѣйствіе не на словахъ только.

Члены владимірскаго статистическаго комитета, жители г. Муромъ, — Н. Г. Добрынкинъ и Е. П. Добрынкина, въ особенности послѣдняя, сообщили мнѣ многое касательно языка населенія муромскаго уѣзда. Большая часть нижеприводимыхъ данныхъ, относящихся къ этой мѣстности, извлечена мною изъ письменныхъ сообщеній, обязательно сдѣланныхъ мнѣ г-жою Добрынкиной.

Г. Рогозинниковъ, инспекторъ ярославской гимназіи, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на поляхъ моей программы о языкѣ населенія ярославской губ. и кашинскаго уѣзда тверской губ.

Этими матеріалами я располагалъ уже въ январѣ текущаго года. Въ сентябрѣ, уже по возвращеніи въ Варшаву, я получилъ два экземпляра своей программы съ отмѣтками о языкѣ населенія ярославской губерніи — отъ директора народныхъ училищъ этой губерніи, г. Шпеера ³⁾.

---

¹⁾ Здѣсь я убѣдился, что изъ лицъ, отъ которыхъ я ждалъ сообщеній никто и не подумалъ навести хотя бы самыя общія справки по вопросамъ мною намѣченнымъ. Вообще, безучастіе къ моему дѣлу, въ средѣ лицъ нашего вѣдомства, нигдѣ не обнаружилось, ни раньше ни позже, въ такой степени, какъ во владимірской губ. — Во вторую поѣздку свою въ эту губ. я, сверхъ владимірскаго и суздальскаго уѣздовъ, гдѣ былъ и раньше, я посѣтилъ еще города Муромъ и Судогду съ частію уѣздовъ ихъ.

²⁾ Кострома, Кинешма и отъ Кинешмы внизъ по Волгѣ, по пути къ Нижнему.

³⁾ Кто именно дѣлалъ отмѣтки на поляхъ этихъ двухъ экземпляровъ программы, мнѣ осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ. Отмѣтки эти интересны и обстоятельны, и однако же лишь весьма немногое я могу ввести изъ нихъ въ настоящій отчетъ. Это потому, что — къ крайнему сожалѣнію — въ отмѣткахъ этихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ означена мѣстность, къ которой слѣдуетъ отнести ту или другую изъ сообщенныхъ звуковыхъ особенностей.

Въ разъѣздахъ моихъ по названнымъ выше губерніямъ (за исключеніемъ Вологодской) я поставилъ себѣ главною цѣлью—опредѣлить отношеніе, существующее между такъ называемыми сѣвернымъ и *восточнымъ* нарѣчіями.

Я не признавалъ дѣленія велико-русскаго языка на четыре части по четыремъ странамъ свѣта, различая въ немъ только два нарѣчія: окающее (сѣверное) и акающее (южное). Но было важно выяснитъ, точно-ли первое имѣетъ два подраздѣленія, какъ несомнѣнно имѣетъ ихъ второе.

Даль говоритъ (О нарѣчіяхъ, 34), что между владимірскимъ (восточнымъ) и новгородскимъ (сѣвернымъ) нѣтъ ни одного всеобщаго отличительнаго признака, и что всѣ частные признаки—отрицательные. Но и отрицательныхъ признаковъ достаточно, чтобы признать разность двухъ нарѣчій, или по крайней мѣрѣ поднарѣчій. Меня занималъ поэтому вопросъ: точно ли отличительныя черты новгородскаго нарѣчія не повторяются во владимірскомъ.

Къ послѣднему Даль относитъ губерніи: Владимірскую, Ярославскую, Костромскую (частію), Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую. Въ Оренбургской я не былъ. Изъ остальныхъ шести я, по вышеуказанной причинѣ, въ послѣдующемъ приведу данныя, касающіяся языка лишь первыхъ трехъ, по преимуществу — первыхъ двухъ, какъ наиболее типичныхъ въ области восточнаго (по Далю) нарѣчія.

Какъ первый признакъ восточнаго нарѣчія Даль ставитъ слѣдующее относительно его утвержденіе: «Говоръ окающій, самый низкій; не только *о* никогда не обращается въ *а*, но даже и письменное *а* слышно тамъ только, гдѣ на него падаетъ удареніе; *о* произносится грубо, протяжно самою глубиною пасти, еще звучнѣе, чѣмъ въ нарѣчій сѣверномъ; равно буква *е* чаще произ-

носятся ѣ; *о* никогда не обращается въ дугласную *уо* или *уы* (О нарѣчіяхъ, 33).

Все это я долженъ признать или прямо не вѣрнымъ или не точнымъ. О звукахъ *а* и *о* въ восточномъ нарѣчіи¹⁾ я, по личнымъ моимъ наблюденіямъ и сдѣланнымъ мнѣ сообщеніямъ, могу утверждать слѣдующее:

1) Никакъ нельзя сказать, чтобъ въ восточномъ нарѣчіи *о* никогда не обращалось въ *а*. Случай такого обращенія *о* въ *а* также спорадически встрѣчаются и здѣсь, какъ и на сѣверѣ. Въ Муромѣ, напр., говорятъ: *какушка*. Въ Зарѣченской (т. е. на правомъ берегу Оки) сторонѣ муромскаго уѣзда: *кокушка*, но — тамъ-же: *карабъ*, *залотой*, *скварница*, *слабода*, *ча(е)рдакъ*, *малонья* (по лѣвую сторону Оки — *молонья*), *Михайла*. Этими примѣрами исчерпываются кажется, всѣ случаи измѣненія *о* на *а* въ означенной мѣстности. Въ срединѣ владимірской губ. мнѣ такихъ случаевъ съ *а* вм. *о* не встрѣтилось²⁾.

Что приведенные примѣры *а* вм. *о* въ Зарѣченскомъ говорѣ нѣтъ нужды объяснять непременно влияніемъ рязанскаго нарѣчія, видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются и на сѣверѣ³⁾. Кроме того, и въ ярославской губерніи, — по преимуществу, какъ мнѣ кажется, *окающей*, — встрѣчаются тоже случаи измѣненія *о* на *а*: во многихъ мѣстахъ — *манастырь*, *манахъ*, *канвой*, *Расея*; въ ростовскомъ уѣздѣ: *карабъ*, *мастовая*, *Михайла*, *Пѣтра* (Петро); въ романовскомъ уѣздѣ слышится *а* вм. *о* въ род. пад. прил. м. р. ед. ч.: *великова*, *добрава* и т. п.⁴⁾

Отъ случаевъ спорадическаго измѣненія *о* на *а* слѣдуетъ отличить *а* изъ *о* условленное влияніемъ московскаго говора. Не смотря на близость къ Москвѣ, сношенія съ нею и отхожіе про-

1) Употребляя пока этотъ терминъ, я не придаю ему никакого дѣйствительнаго значенія.

2) Изъ чего я однако еще не заключаю, что ихъ вовсе нѣтъ тамъ.

3) Матеріалъ и пр. стр. 3.

4) И эти случаи не чужды сѣверу. Хотя мнѣ въ сѣверныхъ губ. и слышалась постоянно *ово*, но въ сборникахъ Гильфердинга и Барсова есть случаи окончанія прилагательныхъ на *ова* (см. *ibid.* I. с.).

мысли, ярославцы относительно коренной черты своего нарѣчія, — сохраненія неударяемаго *о* — оказываются гораздо устойчивѣ своихъ сосѣдей владимірцевъ. Я не встрѣтилъ въ ярославской губ. ни одного акающаго села; во Владимірской же въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, жители которыхъ ходятъ на заработки (преимущественно во владимірскомъ и суздальскомъ уѣздахъ) аканье развилось на столько, что говоръ почти не отличается отъ Московскаго ¹⁾. Ту же, и даже еще большую податливость къ чужому вліянію, выказалъ говоръ костромичей. Въ костромской губерніи, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, аканье слышится во всѣхъ тѣхъ уѣздахъ, жители которыхъ занимаются отхожими промыслами: нерехтинскомъ, галицкомъ, солигаличскомъ, чухломскомъ. И кажется, аканье распространяется: имъ заражаются даже и тѣ мѣстами, селенія, жители которыхъ не находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ московскаго говора. Такъ мнѣ говорили, что въ плещеевской волости солигаличскаго уѣзда, на границѣ съ буйскимъ, сильно акаютъ, несмотря на то, что жители этой волости отхожими промыслами занимаются мало ²⁾. Въ лѣсные уѣзды этой губерніи (ветлужскій, варнавинскій, кологривскій, часть макарьевскаго) аканье, конечно, не проникло; рѣдко слышится оно и въ фабричныхъ уѣздахъ (костромскомъ, юрьевскомъ и кинешемскомъ) ³⁾.

2) Невѣрно и то утвержденіе Даля, что *а* слышно лишь тамъ,

¹⁾ Таково — для примѣра — село Борисовское, на большой дорогѣ между Владиміромъ и Суздалемъ, населенное каменщиками, природными владимірцами, говорящими однако по московски.

²⁾ Сообщено секретаремъ костромскаго статистическаго комитета г. Пироговымъ.

³⁾ Говоря о смѣнѣ *о* на *а*, нельзя не отмѣтить слѣдующаго страннаго явленія, хотя оно и не принадлежитъ къ области собственно народныхъ говоровъ: въ г. Муромѣ есть нѣсколько купеческихъ семействъ, члены которыхъ каждое *о* превращаютъ въ *а*. Они говорятъ: май *вм.* мой, кашка *вм.* кошка, дам *вм.* домъ и т. п. Купцы эти природные муромляне. По крайней мѣрѣ извѣстно, что ужъ нѣсколько поколѣній ихъ живетъ въ Муромѣ. Какъ и когда образовалась въ ихъ языкѣ эта особенность (выдерживаемая, какъ меня увѣрили, постоянно) — неизвѣстно (Сбщ. гг. Добрынкиными).

гдѣ на него падаетъ удареніе. Неударяемое *a* измѣняется на *o* нерѣдко, можетъ быть даже чаще чѣмъ на сѣверѣ, но все же гораздо больше случаевъ сохраненія неударяемаго *a*, чѣмъ перехода его въ *o*.

Начальное *a* измѣняется на *o* часто въ собственныхъ именахъ: Ондрей, Онтон, Окулина, Офанасей и т. п.¹⁾; рѣдко въ нарицательныхъ: онбар (Мур. у.)²⁾.

Въ срединѣ словъ—и во владимірской и въ ярославской губерніяхъ—постоянно, какъ и на сѣверѣ, *o* вм. *a* въ производныхъ отъ корня роб = раб: роботать, работник и т. п. Постоянно же измѣняется *a* на *o* въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и средн. р.: ово и ова вм. аво (= аго)³⁾.

Въ концѣ словъ и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, *o* вм. *a* только въ словахъ съ суффиксомъ уш-ка (юш-ка) муж. р.: батюшко, дядюшко⁴⁾.

3) Ярославское *o* произносится дѣйствительно звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ, — это рѣзко отчеканенный звукъ; но во владимірской и костромской губ. выговоръ *o* нисколько, по моимъ наблюденіямъ, не отличается степенью звучности отъ новгородскаго. Во владимірской губ. оканье сильнѣе къ югу отъ Владиміра, слабѣе къ сѣверу.

4) Совершенно вѣрно утвержденіе Даля, что нигдѣ въ восточномъ *o* не переходитъ въ двугласный *yo*, *uy*, но, на сколько мнѣ извѣстно, такого перехода нѣтъ и на сѣверѣ⁵⁾.

1) См. въ 8-мъ отчетѣ о вятскомъ *yo*. Если даже и допустить, что гдѣ либо въ Вятчинѣ слышится такой звукъ, то все же нельзя его признать однимъ изъ отличительныхъ звуковыхъ признаковъ сѣвернаго нарѣчія по сравненію съ восточнымъ.

2) Такъ во многихъ мѣстахъ и владимірской и ярославской губ.

3) Другихъ примѣровъ не знаю, но конечно они есть.

4) ово вм. аво представляетъ измѣненіе на *o* звука *a*, слѣдующаго за ударяемымъ слогомъ: дѣрово. Во всѣхъ другихъ, извѣстныхъ мѣст., случаяхъ перехода *a* въ *o*, — *a* предшествуетъ ударяемому слогу: боран, ломпадка, локѣй, не зомай и т. п. (См. Потебни Два изслѣд. 76. Ср. Матеріалъ и пр. 6.).

5) Есть-ли однако основаніе считать въ подобныхъ случаяхъ суффиксъ *ка* болѣе первичнымъ, чѣмъ *ко*?

Встрѣчающіеся изрѣдка на сѣверѣ случаи измѣненія *o* на *y* и обратно изрѣдка же встрѣчаются и въ восточномъ нарѣчїи. Въ Мур. уѣздѣ можно слышать — Бу(о)городица (дер. Корниловка), ко(у)кушка (Зарѣченская сторона того же уѣзда); въ Яросл. губ.: и — коковать и — куковать¹⁾. По аналогїи съ измѣненіемъ *o* на *y* есть случаи измѣненія *e* на *ю*. Знаю, впрочемъ, только одинъ относящійся сюда примѣръ: очю(е)нь (Зарѣч. стор. М. у.). Въ такой формѣ это слово мѣстами слышится и на сѣверѣ²⁾.

Не оправдывается, кажется мнѣ, и то положеніе Даля, по которому *e* въ восточномъ, по его термину, нарѣчїи произносится чаще какъ *ѣ*, чѣмъ въ сѣверномъ. По моимъ наблюденіямъ, во владимірской губерніи (за исключеніемъ муромскаго уѣзда) такое превращеніе *e* встрѣчается не чаще, чѣмъ, напримѣръ, въ новгородской.

Тѣмъ не менѣе, число случаевъ съ *ѣ* вм. *e*, какъ во владимірской такъ и въ ярославской губ., — огромно.

Случаи эти тѣже, что на сѣверѣ. Даже кругъ словъ съ корневымъ *ѣ* вм. *e* — тотъ-же, или почти тотъ же. Привожу въ доказательство сказаннаго рядъ словъ, записанныхъ въ муромскомъ, судогодскомъ и переяславскомъ уѣздахъ: бѣда, бѣдрó, бѣрѣгъ; вѣшка (вѣха), вѣрста, вѣшной, вылѣтáть; дѣржит; ѣда, ѣвó; нѣсла; óтпѣхнуть; пѣсок; рѣка; сѣло, слѣза, сѣстра.

Слѣдовательно, не только *ѣ* изъ основнаго *e*, но и изъ *e*, смѣнившаго *ь*. Случаевъ послѣдняго рода въ ярославской губ. не знаю.

Излишне было бы приводить здѣсь всѣ извѣстные мнѣ — по личнымъ наблюденіямъ и полученнымъ отъ вышеназванныхъ лицъ сообщеніямъ — случаи перехода некореннаго *e* въ *ѣ*. Ограничусь

¹⁾ Въ одномъ изъ экземпляровъ программъ, пересланныхъ мнѣ г. Шпееромъ, при рубрикѣ *o—y* приведены слова: пу(ой)дем, у(о)кунись, у(о)городи. Самъ я нигдѣ такихъ случаевъ не встрѣтилъ, и не знаю, какой именно мѣстности губерніи принадлежатъ они.

²⁾ Въ Кижяхъ олонецкой г. См. Сборникъ Гильфердинга стр 471.

общимъ замѣчаніемъ, что на каждую изъ рубрикъ, означенныхъ въ моей программѣ¹⁾ примѣры могутъ быть приведены²⁾. Иногда и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, *e* остается при своемъ звукѣ, не переходя въ *o* (*ё*), при условіяхъ, которыя въ южно-великорусскомъ неизбѣжно вызвали бы такое превращеніе. Въ ярославской губ. я не встрѣтилъ такихъ случаевъ, но во владимірской (въ переславскомъ и владимірскомъ уѣздахъ) слышалъ: далѣко, черненькой, тёпленькой.

Въ шуйскомъ уѣздѣ слышалъ я — сожгом вм. сожгём. Въ губерніяхъ, о которыхъ я говорю теперь, — это единственный извѣстный мнѣ случай явленія, которое нерѣдко встрѣчается въ говорѣ Вятчанъ. Я былъ, слѣдовательно, не совсѣмъ правъ, посмотрѣвши на формы, подобныя — росѣком, переволоком и т. п., какъ на специально вятскую особенность³⁾. Вѣрно однако то, что подобныя звуковыя формы чрезвычайная рѣдкость во всѣхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ, за исключеніемъ вятскаго, по чему и могутъ быть признаны характерной чертой говора Вятчанъ.

Начальное *e* обращается въ восточномъ нарѣчій, какъ и на сѣверѣ, въ однихъ случаяхъ въ *йо*, въ другихъ въ *o*.

Древняя форма — още — еще слышится мѣстами въ ярославской губ. (романовскій уѣздъ); во владимірской я ее не встрѣтилъ.

Превращеніе начальнаго *e* въ *o* и *йо* (*йово* — *ево* и т. п.) въ окающемъ нарѣчій совершается независимо отъ ударенія. Въ томъ и другомъ случаѣ, чѣмъ обуславливается измѣненіе *e* и разность этого измѣненія (*o* и *йо*)?

Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что дѣйствующая причина явле-

¹⁾ Стр. 6—8 отдѣльнаго оттиска программы; стр. 100—102 отд. оттиски первыхъ двухъ отчетовъ моихъ.

²⁾ Конечно, если взять въ расчетъ различные говоры владимірской и ярославской губ. (исключая однако пошехонскій и ситскій послѣдней, которые я не имѣю въ виду).

³⁾ См. 3-й отчетъ мой: Вятскій край. Въ олонецкой губ. (Кигли) есть, какъ видно изъ сборн. Рыбникова (I. 70), форма — бодрущ бѣдру (Матеріаль 23). Сюда же слѣдуетъ отнести и формы съ *eo* вмѣсто *se* черезъ *se* — *се*. См. Матеріаль 22.

нія въ обѣихъ случаяхъ одна: стремленіе языка избѣгать начальнаго *е*. Это стремленіе породило въ древне-русскомъ рядъ словъ съ начальнымъ *о* вм. *е*. Разумѣю здѣсь не такіе случаи, какъ обще-русскія формы — олень и под., а такіе какъ сѣверно-великорусскія — още, Олена и т. д. ¹⁾ Эти формы и подобныя имъ предполагаютъ, по моему мнѣнію, не формы — *ѣще*, *Юлена* (*ѣще*, *Йелена*), а формы *еще*, *Елена*, т. е. формы съ чистымъ не йотованнымъ *е*. Тѣ слова, въ началѣ которыхъ *ѣ* а не *е* (*ѣво* и т. п.), даютъ формы съ *йо*, а не *о* (*йово-ѣво*). Форма *ѣщо* (*ѣщо*), являющаяся при *още*, не предполагается послѣднею и не противорѣчитъ сказанному: мѣстами въ окающемъ нарѣчїи сохраняется и нейотованное начальное *е*. Къ отмѣченнымъ уже случаямъ такого рода ²⁾ могу теперь добавить — муромское *ещо* (*эщо*) и (по сообщенію) кологривское — *если* (*эсли*).

е на *и* измѣняется рѣдко какъ и на сѣверѣ. Вообще можно сказать, что въ восточномъ, какъ и въ сѣверномъ нарѣчїи, гласные звуки отличаются несравненно большею устойчивостью, чѣмъ въ южномъ.

Словъ съ *е* вм. *и* я въ восточномъ не слышалъ вовсе ³⁾. Что такое измѣненіе спорадически встрѣчается и здѣсь, можно заключить изъ прилагаемой сказки. Въ ней *вм. барин* — *барен* ⁴⁾ *вм. поставил* — *поставел*, *вм. положил* — *положел*. Форма — *гнеёт*

¹⁾ Быть можетъ такія формы (какъ и формы съ начальнымъ *о* вм. *а*) составляли нѣкогда принадлежность всего русскаго языка. Южно-великорусск. *Алена* не могло явиться непосредственно изъ *Елена*, а предполагаетъ посредствующую форму *Олена*; *ѣще* — южно-велико-русское, являющееся и на сѣверѣ на ряду съ *още*, быть можетъ явилось изъ послѣдней формы, черезъ позднѣйшую йотацію *о* и видоизмѣненіе этого послѣдняго подъ вліяніемъ йота. Ср. сказанное въ первомъ отчетѣ о формахъ, подобныхъ — *ѣзеро*, *ѣлив*.

²⁾ См. 3-й отчетъ.

³⁾ Формы, подобныхъ — на лошадѣ, к матерѣ (яросл. г.) не беру въ расчетъ: онѣ представляютъ собою, безъ сомнѣнія, не фонетическое, а формальное явленіе.

⁴⁾ Ср. псковское *воен* вм. *воин*. (Шейнъ, Русскія народныя пѣсни 551).

вм. гнѣт (Зарѣч. ст. м. у.) быть можетъ должна быть объясняема уподобленіемъ звуковъ.

Формы съ *ей* вм. *ій*, свойственныя сѣверу, нерѣдко встрѣчаются и здѣсь. Чаше такое измѣненіе имѣетъ мѣсто въ собственныхъ именахъ Василей и т. п.; рѣже въ прилагательныхъ, въ которыхъ *е* большею частію слышится не вполне ясно¹⁾.

Вмѣсто *ый* я вездѣ слышалъ *ой* независимо отъ ударенія: тихой и т. п.

Въ срединѣ словъ *ы* переходитъ въ *о* только въ словѣ *нонѣ*, какъ въ древне-русскомъ и современномъ сѣверно-великорусскомъ.

ы вм. *у* только въ словахъ — *бытто*, *слыхъ*, слѣдовательно опять таки въ тѣхъ же случаяхъ, что и на сѣверѣ.

О мѣнѣ *ы* съ *и* сказано ниже.

Второй признакъ, отличающій восточное нарѣчіе отъ сѣвернаго по Далю слѣдующій: «никогда не произносятъ (въ восточномъ нарѣчій) *и* вм. *ь*, ниже *я* вм. *е*, ни на оборотъ». (О нарѣчійхъ 33).

Измѣненіе *е* на *я*, какъ извѣстно, на столько же не свойственно окающему нарѣчію, какъ и смѣна *о* на *а*. Вѣроятно Даль разумѣетъ здѣсь такіе случаи, какъ *имянинникъ*, *сѣмяна* и т. п., но это явленіе, имѣющее мѣсто и въ восточномъ нарѣчій, не принадлежитъ, по моему мнѣнію къ области фонетика, а объясняются народной этимологіей²⁾.

Обратное явленіе *е* вм. *я* есть такъ называемое перегласованіе, о которомъ — ниже.

Смѣна *ь* на *и* считается обыкновенно одною изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ сѣверной или новгородской фонетики. Если бы дѣйствительно оказалось, что восточному или владимірско-суздальскому нарѣчію смѣна эта вполне чужда, слѣдовало бы признать его относительную особность отъ сѣвернаго, уже въ силу

¹⁾ Ср. замѣчаніе объ этомъ звуковомъ явленіи во 2-мъ отчетѣ стр. 120.

²⁾ См. Матеріалъ стр. 41.